

УДК 801.1+801.73

К проблеме системности интертекстуальных отношений в русском поэтическом дискурсе: смысловые оппозиции текстов

О. Н. Гришкова

Введение

В активный обиход филологии понятия «интертекст», «интертекстуальность» включились во второй половине XX века благодаря трудам М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Дерриды, Ю.М. Лотмана и др. и со временем выдвинулись на одни из лидирующих позиций в числе наиболее популярных объектов исследования, в частности, лингвистических.

Определяя данное понятие, разные авторы акцентируют внимание в своих дефинициях на различных диалектически связанных сторонах изучаемого феномена.

Анализ литературы

В трудах И.В. Арнольд под интертекстуальностью понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций» [1, с. 346]. Сходная по сущности трактовка, хоть и с ограничением в жанрово-стилевом отношении, представлена у В.П. Руднева, которым интертекст определяется как «основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма. состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам» [2, с. 113].

Определения подобного рода, как видно, затрагивают репрезентативный аспект интертекстуальности, т.е. «смотрят» на интертекст как бы «изнутри» текста, отталкиваясь от его внутритекстовых маркеров. С этой точки зрения интертекстуальность является наиболее изученной: интертекстуальные маркеры и феномены (цитаты, аллюзии, реминисценции и т.п.) не раз подвергались описанию как в отношении отдельных идиостилей, так и национальных поэтических и прозаических дискурсов в целом.

У М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Р. Барта, У. Эко, Н.Н. Белозёровой и ряда других авторов обнаруживается подход к трактовке интертекстуальности «с обратной» стороны – от «надтекстового» универсума. Ср.: «Даже прошлые, то есть рождённые в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определённые моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновлённом (в новом контексте) виде» [3, с. 373].

«Кроме коммуникативной функции, – пишет Ю.М. Лотман, – текст выполняет и смыслообразующую, выступая в данном случае не в качестве пассивной упаковки заранее данного смысла, а как генератор смыслов <> ...минимально работающий текстовой генератор – это не изолированный текст, а текст в контексте, текст во взаимодействии с другими текстами и с семиотической средой» [4, с. 144–147].

Таким образом, интертекст – это и вне-, и внутритекстовой феномен. Он, с одной стороны, поглощает текст снаружи (обволакивает его, существует вне данного текста, как бы между / *inter* текстами), а с другой – включается в текст серией специальных приёмов, достаточно хорошо описанных в научной литературе (аллюзия, реминисценция, цитата и др.), и в этом смысле описывается понятием «интертекстуальность» [5].

Отмеченная «двуединая» сущность интертекста позволяет говорить о наличии у него признаков организующего начала, а следовательно, предполагать свойственность интертексту признака системной упорядоченности. «В интертексте постоянно идут процессы перехода от беспорядка-хаоса к порядку», – отмечает Н.А.Кузьмина [6, с. 3]. В продолжение этой мысли в её интерпретативном ракурсе М.Тростников характеризует интертекст как «единый цельный организм. Чем больше связей этого интертекста удастся установить, тем лучше для интерпретации произведения» [7, с. 564]. Ещё дальше идёт И.Е.Дементьева, замечая: «Возможно предположить, что живой мир текстов существует параллельно миру человека» [8].

Показательно, что сам принцип организации и функционирования интертекста включается некоторыми исследователями в один ряд с фундаментальными типами системных языковых отношений – парадигматическими, синтагматическими и эпидигматическими – в дополнении к ним. В частности, Ю.П. Зотов отмечает, что, помимо названных отношений, «язык пронизан и другими отношениями – диалогическими, которых нет в системе языка и без которых процесс коммуникации состояться не может» [9, с. 5].

Диалогика онтологически коррелирует с бинарностью, а последняя выводит на оппозитивный принцип интерпретации системной упорядоченности. С этой точки зрения универсум художественных текстов представляет собой организованную систему, так как «структурирован и структурируется из бинарных оппозиций (бытие – ничто, холод – жар, культура – природа); эти оппозиции, в свою очередь, структурируют значения, и потому любую мысль, любое произведение искусства возможно описать, анализируя бинарные соответствия, из которых оно состоит» [10, с. 42].

Цель и гипотеза исследования

Данные положения, выдвинутые в научной литературе, как нам представляется, нуждаются в конкретизации и дальнейшем развитии по линии раскрытия системно-упорядочивающих свойств категории интертекстуальности, что и составляет цель данного исследования. В качестве отправной гипотезы при этом можно принять положение о том, что системность интертекста есть производная от общеязыковой системности, пронизывающей весь механизм языка – от фонологического до текстового уровня; соответственно этому отношения упорядоченности, обнаруживающиеся между фигурантами данного универсума, в целом должны соответствовать тем универсальным отношениям, которые можно обнаружить между элементами языковой системы.

Результаты исследования

Следует отметить, что положения о системно-структурном характере языка формировались в языкознании на протяжении длительного времени, и в частности, всего XX столетия (концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, структуралистов Р. Якобсона, Н. Трубецкого и др.). Сквозь призму системности прежде всего были описаны все традиционно выделяемые языковые ярусы – от фонетики до синтаксиса. Представители структурализма указывали на то, что любая система состоит из элементов, организованных по определенным правилам, причём функциональная значимость элементов в системе определяется их отличиями друг от друга, то есть в отношениях оппозиций.

Со временем в эту парадигму встроилась и лингвистика текста, возникшая на стыке «лингвистики языка» и «лингвистики речи» и определяющая свой объект как реализацию «языковой системы, языковых уровней и их единиц», где сам текст «представляет собой особым образом организованную (внутри себя) частную, индивидуальную динамическую систему, которая, как всякая система, проявляется в отношениях общности, связности и в отношениях противопоставленности» [11, с. 19]. В лингвистику текста были транслированы и ключевые понятия структуралистской парадигмы: оппозиции, сильные и слабые позиции и т.п. – с тем, чтобы репрезентировать текст как самостоятельное структурно-системное устройство, своеобразную систему второго порядка по отношению к языковой системе.

Данный подход к тексту реализован, в частности, в работах отечественного исследователя И.П. Кудрявцева, которая оперирует понятием оппозиций при описании отношений

между блоками информации художественных текстов, опираясь на классификацию фонологических оппозиций (по Н. Трубецкому), в частности, выделяя следующие типы отношений: 1) отношения тождества; 2) отношения включения; 3) отношения пересечения; 4) отношения исключения [12, с. 51-52].

Названные типы отношений могут быть обнаружены и между интертекстуально связанными текстами на смысловом уровне их диалога. Иными словами, интертекст так же, как и язык в системно-структурном понимании, так же, как и текст (система второго порядка), может быть рассмотрен как некоторое системное образование, элементы которого со- и противопоставляются в различных типах оппозитивных отношений, а в совокупности образуют устойчивую систему, скреплённую определёнными связями и отношениями. Изучение интертекста как системно-упорядочивающего(ся) образования – это, таким образом, логически следующий за перечисленными этап развития изложенных лингвистических идей.

Первый тип смысловых оппозиций диалогизирующих текстов – нулевая оппозиция – возникает при их стремлении к семантической тождественности. Разумеется, семантическое наполнение двух различных поэтических текстов не может совпадать полностью. Вместе с тем для них возможны общность темы, идеи, универсальных поэтических смыслов. Данный тип текстовой диалогии определяется И.П. Смирновым как литературная эквифинальность: «Продуцируемый текст повторяет (архетипическую) тему сопряженных с ним претекстов» [13, с. 60]. Это своеобразный пре-диалог, до-интертекстуальность, т.е. такая, прямые доказательства которой отсутствуют.

И.П. Смирнов в качестве примера проявления подобной литературной эквифинальности приводит диалогические отношения текстов стихотворений Б.Пастернака «Венеция»-2 и К.Павловой «Паров исчезло покрывало...», в которых Венеция сравнивается с женщиной. Ученый указывает на сходства в содержании данных текстов, но вместе с тем отмечает, что интерпретация диалога этих стихотворений как интертекстуального «будет беспочвенной, поскольку в «Венеции»-2 нет ни одного следа, который указывал бы на то, что предпринятая автором тематизация изображаемой реалии была достигнута им в результате рекреативной работы, проделанной над текстом Павловой» [13, с. 61].

Второй тип интертекстуально структурированных смысловых оппозиций – привативная оппозиция – характеризуется отношениями включения одного текста в другой. На возможность такого типа взаимодействия текстов указывает Ю.М. Лотман. Он подчеркивает, что «один текст дается как непрерывное повествование, а другие вводятся в него в нарочито фрагментарном виде (цитаты, отсылки, эпитафии и т. п.). Предполагается, что читатель развернет эти зерна других структурных конструкций в тексты. Подобные включения могут читаться и как однородные с окружающим их текстом, и как разнородные с ним» [4, с. 159]. Для обозначения данного случая используется термин «текст в тексте» (Ю.М. Лотман, В.П. Руднев). Текст в тексте представляет собой «своеобразное гиперриторическое построение, <...> состоящее в том, что основной текст несет задачу описания или написания другого текста» [14, с. 461].

В описанную оппозицию вступают тексты стихотворений И. Тургенева и И. Метляева, фрагменты которых приводятся ниже. Маркером включения стихотворения Метляева в текст Тургенева является фраза: *я прочел одно стихотворение*, то есть имеет место апелляция автора именно к известному ему тексту (произведению).

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!*

И.Метляев (1843)

*Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я
прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня
в памяти: Как хороши, как свежи были розы...
Теперь зима; мороз запушил стекла окон;
в темной комнате горит одна свеча. Я сижу,
забившись в угол; а в голове все звенит да звенит:
Как хороши, как свежи были розы...*

И.Тургенев (1879)

Третий тип – эквивалентная оппозиция – имеет место в виде взаимодействия (пересечения) смыслов текстов, семантический объем которых 1) может совпадать, быть 2) противоположным или 3) несовместимым. Граница между данным и предыдущим типами интертекстуальных оппозиций проводится по следующим критериям:

- для отношений включения (привативной оппозиции) характерна экспликация установки на прецедентный феномен именно как текст в его цельности, маркерами чего может выступить: заголовок прецедентного текста, в ряде случаев – с указанием автора; упоминание о самом тексте и нек. др.;

- в случае отношений пересечения (эквивалентной оппозиции) претекст входит во вновь создаваемый текст без маркирования своей текстовой ипостаси, – как некий прецедентный смысловой квант, «убирающий» на второй план свой источник, отсекая из него то, что не относится к семантике принимающего текста.

В такие отношения с приведённым выше текстом И. Мятлева вступает стихотворение И. Северянина «Классические розы» в приводимом далее фрагменте:

*В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!*

Аналогичные отношения обнаруживаем в диалоге стихотворений А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» и А. Ахматовой «Он прав – опять фонарь, аптека...», связанных посредством общих лексем: *фонарь, аптека*. Данные тексты пересекаются в области выражения ими единой мысли о том, что ничего не изменяется, все повторяется.

Оба приведённых примера демонстрируют первый вариант эквивалентной оппозиции – с пересечением семантически совпадающих текстовых смыслов.

Пример эквивалентной интертекстуально структурированной оппозиции с контрастирующей семантикой пересекающихся смыслов демонстрируют два стихотворения М. Цветаевой, одно из которых посвящено О. Мандельштаму – «Никто ничего не отнял...», а второе – Б. Пастернаку – «Двое» («В мире, где всяк...»). Поэтесса в обоих стихотворениях сравнивает свой дар с талантом названных поэтов. В случае с О. Мандельштамом она говорит о превосходстве последнего, а творчество Б. Пастернака оценивает как равновеликое ее поэзии:

*Я знаю, наш дар – неравен,
Мой голос впервые – тих.
Что вам, молодой Державин,
Мой невеститанный стих!*

(«Никто ничего не отнял...»)

*Знаю – один
Мне равносилен.
Знаю – один
Мне равномогущен.
Знаю: один
Ты – равносущ
Мне.*

(«В мире, где всяк...»)

Таким образом, два текста М. Цветаевой, диалогизирующих в интертекстуальном пространстве её идиодискурса, контрастируют по семантическому признаку «отношение к творчеству современников».

Пример эквивалентной оппозиции с несовпадением семантического объема при наличии общих лексических и семантических элементов демонстрирует стихотворение Е. Евтушенко «Паруса», интертекстуально связанное с творчеством К. Чуковского, а именно с его «Доктором Айболитом». Е. Евтушенко называет самого Чуковского «Айболитом русской словесности» и заимствует ряд его образов, в частности образ парусов. К. Чуковским данный образ употреблён в прямом значении: – *Не боюсь я пиратов! – отвечал ему доктор. – У меня очень быстрый корабль. Я распушу паруса, и пираты не догонят моего корабля!* Е. Евтушенко метафорически уподобляет парусу каждую страницу книги, развивая метафору «русская словесность – корабль, такой же спасительный, как корабль доктора Айболита»:

*...словесность великая русская
никогда не свернет паруса.
...Даже смерть от тебя отступает,
если кто-то из добрых людей
в добрый путь отплывает под парусом
хоть какой-то странички твоей...*

(Е. Евтушенко)

Как видно, образ паруса, помещенный в совершенно иную, нежели в претексте, концептуальную плоскость вследствие метафоризации, приобретает в принимающем тексте (у Е. Евтушенко) новое семантическое наполнение.

Четвертый тип интертекстуальных смысловых оппозиций – дизъюнктивная оппозиция – возникает при наличии многочисленных интертекстуальных связей текста. Например, тексты стихотворений Б. Ахмадулиной «Я думаю: как я была глупа...», И. Фоякова «Псковский сонет», Ю. Каца «Двухтысячелетье», Б. Вахнюка «Берег», М. Шевченко «17 июля» не демонстрируют между собой непосредственной взаимозависимости (отношений претекста / принимающего текста). Однако они диалогизируют друг с другом опосредованно: всех их объединяет известная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «19 октября» *Друзья мои, прекрасен наш союз*, а также некоторые мотивы стихотворения русского классика, которые послужили творческим стимулом к созданию данных произведений и вошли в их структуру в большей или меньшей степени модификации, связав тем самым их в единое целое в русском поэтическом дискурсе.

Выводы

В процессе реализации диалогических отношений поэтические тексты организуют единое структурное целое, сообщая ему признаки системности, пронизывающей в свою очередь и весь механизм языка. Системные связи и отношения, формирующие русский поэтический интертекст как единое целое, могут быть представлены как аналог тех отношений, которые организуют отдельные микросистемы (фонологическую, лексическую, грамматическую) в макросистеме языка. Системность интертекста заключается в сводимости смысловых отношений диалогизирующих поэтических текстов к следующим типам оппозиций: отношениям тождества (нулевая оппозиция), включения (привативная оппозиция), пересечения (эквиполентная оппозиция), исключения (дизъюнктивная оппозиция). При этом собственно интертекстуальные отношения выражаются привативной и эквиполентной оппозициями, а смежно-интертекстуальные явления – нулевой и дизъюнктивной оппозициями.

Предложенная классификация может стать основой для дальнейшей разработки моделей упорядоченности текстов, что будет востребовано в практике обучения студентов профессиональному филологическому анализу текста (при чтении курсов лингвистического анализа художественного текста, стилистики, риторики, при изучении текстологических тем в курсе современного русского языка), для решения проблемы автоматизированного хранения, переработки и поиска текстовой информации, разработки тематических веб-сайтов, посвящённых отдельным поэтам и целым литературным направлениям и т.д.

Abstract. The paper presents the problem of systematic regulating of dialogical relations specific for intertextual space of Russian poetic discourse. It also analyses scientific outlooks on the peculiarities of organising intertext and its functioning.

Литература

1 Арнольд, И. В. Объективность, субъективность и предвзятость в интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальности: сб. ст. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 341 – 350.

- 2 Руднев, В. П. Интертекст / В. П. Руднев // Руднев, В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – С. 113 – 118.
- 3 Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук / М. М. Бахтин // Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 361–373.
- 4 Лотман, Ю. М. Текст как семиотическая проблема / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 129 – 247.
- 5 Кураш, С. Б. Интертекстуальность как парадигма / С. Б. Кураш // Текст: проблемы изучения в вузе и школе: межвузовский сб. науч. трудов. Выпуск 1. – Пенза: ПГПУ, 2002. – С. 53 – 59.
- 6 Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Кузьмина. - Омск, 1999. – 417 л.
- 7 Тростников, М.В. Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии / М.В. Тростников // Семиотика. Антология / сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова – 2-е изд., испр, доп. – М.: Лит. изд. агенство «Акад. проект». – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 563 – 580.
- 8 Дементьева, И.Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста / И.Е. Дементьева // Язык и литература. – Вып. 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.utmn.ru/frgf/No9/text16.htm>. – Дата доступа: 16.11.2005.
- 9 Зотов, Ю.П. Диалогика текста как бесконечномерное смысловое пространство: на материале английских текстов / Ю.П. Зотов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://libword.by.ru/lingv.html>. - Дата доступа: 14.02.2005.
- 10 Белозерова, Н.Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.20 / Н.Н. Белозерова. – Тюмень, 2001. – 352 с.
- 11 Купина, Н.А. Лингвистический анализ художественного текста / Н.А. Купина. – М.: Просвещение, 1980. – 80 с.
- 12 Кудреватых, И.П. Стилистическая роль синтаксических единиц (блоков информации) в структуре русского художественного текста / И.П. Кудреватых. – Мн.: БГПУ им. М.Танка, 2001. – 202 с.
- 13 Смирнов, И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л.Пастернака / И.П. Смирнов. – СПб: Языковой центр СПбГУ, 1995 – 191 с.
- 14 Руднев, В.П. Текст в тексте / В.П. Руднев // Руднев, В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – М.: «Аграф», 2003. – С. 461 – 464.